

НАУКА НА СТЫКЕ ДИСЦИПЛИН: ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ К ПРАКТИЧЕСКИМ РЕШЕНИЯМ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО
МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ И
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Сборник научных трудов по материалам
Международной конференции молодых учёных и преподавателей
«Наука на стыке дисциплин:
от фундаментальных исследований к практическим решениям»**

20 октября 2025г.

**www.scipro.ru
Нижний Новгород, 2025**

УДК 009
ББК 6/8

Главный редактор: Н.А. Краснова
Технический редактор: Ю.О. Гусева

Сборник научных трудов по материалам Международной конференции молодых учёных и преподавателей «Наука на стыке дисциплин: от фундаментальных исследований к практическим решениям», 20 октября 2025 г., Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2025. – 32 с.

ISBN 978-1-326-04633-0

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы развития экономики, политологии, граждановедения, юриспруденции и т.д. по материалам Международной конференции молодых учёных и преподавателей «Наука на стыке дисциплин: от фундаментальных исследований к практическим решениям», состоявшейся 20 октября 2025 г. в г. Нижний Новгород.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: PSDgraphics

УДК 009

ББК 6/8

© Редактор Н.А. Краснова, 2025

© Коллектив авторов, 2025

© Lulu Press, Inc.

© НОО Профессиональная наука, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ КЕЙСЫ 5

KAPLIN N., LOKTEV N. STATE–RELIGION RELATIONS IN CHINA 5

KAPLIN N., LOKTEV N. STATE–RELIGION RELATIONS IN COUNTRIES OF THE WESTERN EUROPE 9

СЕКЦИЯ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 14

Железников Е.М. ГИПЕРПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИЧНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КЛИЕНТОМ 14

СЕКЦИЯ 3. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 20

Рон Т.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЕДИНИЧКА» НА ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОРАБОТКУ ВНУТРЕННИХ БЛОКОВ И ЛИЧНОСТНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ..... 20

СЕКЦИЯ 1. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ КЕЙСЫ

УДК 322

Kaplin N., Loktev N. State–Religion Relations in China

Kaplin N.

The Undergraduate Student of Law Faculty
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational
Institution of Higher Education “The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Loktev N.

The Undergraduate Student of Law Faculty
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational
Institution of Higher Education “The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Scientific supervisor: **Bashmakova Natalya Ivanovna**,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, “The
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev” (St. Petersburg)

Abstract. China’s approach to state–religion relations constitutes a distinctive governance model that integrates socialist ideology, historical-cultural legacies, and national modernization goals. Unlike Western frameworks emphasizing state neutrality, China’s system is characterized by proactive state oversight of religious affairs, aimed at preserving social harmony and reinforcing ideological unity under the leadership of the Communist Party. This model is anchored in a comprehensive legal regime – primarily the Regulations on Religious Affairs – and implemented through five state-approved religious associations that serve as conduits for policy enforcement. A central feature is the ongoing “Sinicization” of religion, which seeks to reshape religious doctrines, practices, and institutions to align with Chinese cultural norms and socialist values, particularly in the cases of Islam and Christianity. In ethnically distinct regions like Tibet and Xinjiang, religious governance is tightly interwoven with national security strategies and efforts to counter separatist tendencies. While effective in maintaining domestic order and curbing extremism, the system has drawn significant international criticism for curtailing religious freedom and marginalizing non-sanctioned faith communities. Its long-term viability hinges on the state’s capacity to reconcile strict regulatory control with the evolving spiritual and cultural needs of a diverse society.

Keywords: State–religion relations, China, religion and socialism, Regulations on Religious Affairs, Sinicization of religion, patriotic education, religious control, Communist Party of China, state-sanctioned religious associations, freedom of religion, Xinjiang, Tibet, national unity, ideological security.

1. Introduction. The framework of state–religion relations in China represents a distinctive model shaped by the interplay of socialist ideology, centuries-old cultural traditions, and the nation’s strategic modernization goals. Often summarized by the principle that “religion must be compatible with socialism,” this approach goes beyond a mere set of legal provisions—it functions as a comprehensive socio-political system that reflects the unique trajectory of China’s development. At its core lies the principle of state sovereignty in religious affairs, which is implemented through a clear institutional separation between religious organizations and state

administration, coupled with active state oversight aimed at ensuring social cohesion and national security. This model differs significantly from Western conceptions of secularism, which emphasize state neutrality; instead, China's approach prioritizes proactive, strategic engagement with religious communities to align their activities with broader societal objectives.

2. Material and methods. The legal foundation of this system is anchored in the Regulations on Religious Affairs and complementary legislative instruments, which provide a detailed framework for the operation of religious groups within China. A central feature is the emphasis on “patriotic education” for religious leaders, designed to foster alignment with the values of the socialist system and the leadership of the Communist Party of China (CPC). Five nationally recognized religious associations—the Buddhist Association of China, the Chinese Taoist Association, the Islamic Association of China, the Chinese Patriotic Catholic Association, and the Three-Self Patriotic Movement for Protestants—serve as the officially designated representatives of their respective faiths. These bodies act as institutional intermediaries between the state and religious communities, facilitating the implementation of national policies while ensuring that religious activities remain within legally defined parameters. This structured integration enables effective coordination and helps maintain ideological consistency across the religious landscape.

A notable characteristic of China's approach is its adaptive capacity, allowing religious life to be harmonized with national development priorities. Rather than being treated as a purely private matter, religion is viewed as a social resource that can contribute to shared goals such as social harmony, economic progress, and national unity. Religious communities are encouraged to promote values such as patriotism, collective responsibility, and diligence—principles that resonate with both traditional Chinese ethics and contemporary socialist ideals. This process of contextualization—often referred to as the “Sinicization” of religion—is particularly evident in the case of Islam and Christianity, which have historically been associated with transnational traditions. In regions like the Xinjiang Uygur Autonomous Region, efforts to develop an “Islam with Chinese characteristics” focus on aligning religious education, practices, and even cultural expressions with local norms and legal standards, while also addressing concerns related to extremism—a term defined broadly in national legislation.

The application of this model in ethnically and culturally distinct regions, such as Tibet, presents particular complexities. In the Tibet Autonomous Region, religious governance is closely tied to broader policies aimed at safeguarding national unity. The Chinese government regards certain external religious figures as incompatible with state sovereignty and territorial integrity, leading to strict oversight of monastic institutions and reincarnation procedures within Tibetan Buddhism. Similar considerations inform policies in Inner Mongolia, where religious education for lamas is integrated with civic and patriotic instruction. In these contexts, religious policy is

closely aligned with efforts to strengthen the cohesion of China's multi-ethnic state.

Internationally, China's model has generated diverse reactions. While some governments and human rights organizations have raised concerns regarding religious freedom and cultural preservation—particularly in relation to Xinjiang—the Chinese authorities maintain that their policies are aimed at countering extremism, upholding the rule of law, and protecting the sovereign right of states to manage internal affairs according to their own historical and social conditions. This perspective resonates with a number of developing countries that face similar challenges in balancing religious diversity with national stability.

An objective assessment reveals both strengths and challenges in this governance model. On one hand, centralized coordination has contributed to the prevention of religiously motivated conflict and enhanced resilience against radicalization in a highly diverse society. The resulting stability is often cited as a key achievement. On the other hand, the high degree of regulation may inadvertently marginalize certain believers whose practices fall outside officially recognized frameworks, potentially driving religious expression into less visible spheres and complicating constructive dialogue. Additionally, international perceptions—however contested by Beijing—can affect China's soft power and diplomatic relations. Moreover, efforts to localize global religious traditions may encounter resistance due to the inherently transnational nature of these faiths, posing long-term challenges for sustainable integration.

3. Conclusion. China's model of state–religion relations is an integral component of its broader political system, grounded in the principles of state sovereignty and the guiding role of the CPC. It functions as a mechanism for strategic governance in the realms of ideology and identity, particularly in an era of globalization and social transformation. Its long-term viability will depend on the state's ability to balance regulatory oversight with flexibility, ensuring that religious life remains both orderly and responsive to evolving societal needs—all within the overarching framework of socialist modernization.

References

1. Afonina, L. A., "New Trends in State Regulation of Religious Affairs in the People's Republic of China." *Society and State in China*, no. 2, 2014.
2. Bagaeva, K. A., Vasilieva, S.V., "Dynamics of State–Confessional Relations in Contemporary China: Sociocultural Specificity and Normative-Legal Aspects." *Bulletin of Buryat State University*, no. 1, 2022.
3. Gelyuta, V. N., "Orthodoxy in the Context of State–Confessional Relations in the People's Republic of China." *Christian Reading*, no. 1, 2021.
4. Zakhar'in, A. B., "Buddhism and Christianity in China: Religion and Power—History and the Present." *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*, no. 4, 2011.

5. Zakhar'in, A. B., "Islam in China: Religion and Power." University Bulletin. Series 13: Oriental Studies, no. 4, 2012.

6. Isaeva, A. A., "Freedom of Religion in China and Russia: Contemporary Legal Frameworks and Systems of State Restrictions." State University Journal of Law, no. 28, 2018. Accessed October 16, 2025.

7. Zhang, X., "The Study of Religion in China and the Development of Religious Studies in the New Era." Science Time, no. 12 (84), 2020.

УДК 322

Kaplin N., Loktev N. State–Religion Relations in countries of the Western Europe

Kaplin N.

The Undergraduate Student of Law Faculty
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational
Institution of Higher Education “The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Loktev N.

The Undergraduate Student of Law Faculty
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational
Institution of Higher Education “The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Scientific supervisor: **Bashmakova Natalya Ivanovna**,
PhD in Pedagogy, Associate Proffesor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, “The
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev” (St. Petersburg)

Abstract. *This article examines the evolution of state–religion relations in Eastern European countries in the post-socialist period (since 1989). The study aims to identify and typologize the models of interaction between the state and religious organizations that have emerged following the abandonment of state atheism. Through comparative legal and historical-institutional analysis, three dominant models are distinguished: (1) the “symphonia” model (Russia, Bulgaria, Romania), which recognizes the special role of a traditional confession in national life; (2) the concordat model (Poland), based on contractual relations between the state and the Church while preserving its autonomy; and (3) the liberal-secular model (the Czech Republic), which emphasizes strict state neutrality and confines religion to the private sphere. The article also addresses distinctive cases – Albania and Georgia – that illustrate alternative approaches to regulating religious pluralism. Despite shared initial conditions and the influence of European standards, the region has developed a divergent landscape of legal and political regimes, shaped by historical–cultural contexts, confessional composition, and national strategies of political legitimation. The study demonstrates that the transformation of the religious sphere in Eastern Europe remains multifaceted and continues to play a significant role in shaping public order and national identity in the 21st century.*

Keywords: *state–religion relations, post-socialism, Eastern Europe, religious policy, symphonia model, concordat model, liberal secularism, traditional religions, restitution of church property, religious pluralism.*

1. Introduction. The collapse of the socialist bloc between 1989 and 1991 laid the foundation for one of the most extensive socio-political transformations of the modern era, during which the countries of Eastern Europe embarked on a comprehensive overhaul of their public institutions [1]. In the sphere of state–religion relations, this shift entailed a decisive break with the paradigm of state atheism, under which religious organizations had been subjected to systematic repression and stringent administrative oversight by specialized state bodies—such as the Council for Religious Affairs in the USSR or the Security Service in the Polish People’s Republic—and their activities were confined strictly to liturgical functions within narrowly defined limits [2]. The post-socialist transition to a new model of state–religion interaction was not merely a matter of legislative liberalization; it constituted a deep, multidimensional process that

intertwined the tasks of building democratic institutions, securing legitimacy for new political elites, reconstructing national identities, and managing the sudden emergence of religious freedom. The starting point across the region was the phenomenon of a “religious renaissance”—a rapid rise in public religiosity, the mass restitution of places of worship, and a surge in the social prestige of those religious communities that had been associated with resistance to communist regimes. However, the subsequent institutionalization of state–religion relations followed divergent paths, giving rise to several clearly distinguishable models, which are examined below.

2. Materials and methods. The most widespread model in the region has been that of “symphonia” or the “national church,” wherein the dominant confession is de facto recognized as the historical and spiritual foundation of the nation. This model is particularly evident in countries with Orthodox Christian majorities. In Russia, a pivotal moment was the adoption in 1997 of the Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations.” [3]. Drafted with active input from the Russian Orthodox Church (ROC), the law’s preamble explicitly acknowledges “the special role of Orthodoxy in Russian history.” It also introduced a strict distinction between “religious groups” and “religious organizations,” the latter further divided into “local” and “centralized” entities. Registration as a centralized organization required proof of continuous presence in a given territory for at least 15 years—a provision that created significant barriers for “new” religious movements. In practice, this led to the establishment of a hierarchical religious order, with the ROC occupying a privileged position and its leaders regularly participating in major state ceremonies and public events.

In Bulgaria, despite the country’s formal secular character, the 1991 Constitution designates Eastern Orthodoxy as the “traditional religion” of the Bulgarian people. The Bulgarian Orthodox Church—despite internal schisms—enjoys substantial tax exemptions, its clergy receive state funding, and it plays a direct role in shaping religious education in public schools. A similar pattern emerged in Romania, where the Romanian Orthodox Church consistently ranks as the most trusted institution in public opinion surveys. The state has returned vast amounts of property to the Church, including forests and agricultural land, and finances the construction of major religious buildings—such as the People’s Salvation Cathedral in Bucharest—from the national budget.

A second model—the “concordat” or “autonomous-yet-influential” approach—is exemplified by countries with predominantly Catholic populations, most notably Poland [4]. The uniqueness of the Polish case lies in the fact that the Catholic Church was not only a national institution but also the principal force of opposition and guardian of national identity during socialism, a role powerfully embodied by Pope John Paul II. After 1989, its moral authority was translated into direct political influence. Diplomatic relations with the Holy See were restored as early as 1989, and in 1993 a Concordat was signed, granting the Church extensive rights in

education, family law, and military chaplaincy. The Church actively—and often successfully—lobbied on bioethical issues: in 1993, Poland adopted one of Europe’s most restrictive abortion laws, and in the 1990s, religious instruction (with an ethics alternative) became mandatory in public schools. Unlike the Orthodox model, where the Church often operates in close symbiosis with state authorities, the Catholic Church in Poland has maintained considerable autonomy, positioning itself as an independent moral arbiter—a stance that has periodically triggered intense public controversies, such as debates over abortion rights or the presence of religious symbols in public spaces.

The third model—the “liberal-secular” approach—has found its most consistent expression in the Czech Republic. The country, with deep-rooted secular traditions stemming from the Hussite movement and Austro-Hungarian anti-clericalism, experienced virtually no “religious renaissance.” [5]. Census data show a steady decline in the share of the population identifying as religious, reaching one of the lowest levels globally. Consequently, state policy has been oriented toward establishing a strictly neutral secular state. The 2002 Act on Churches and Religious Societies set a high threshold for registration: a religious organization needed at least 20,000 adult members (this requirement was modified in 2016, though the registration process remains complex). State funding for religious groups—introduced as compensation for the impossibility of full property restitution—has become a subject of heated public debate and has been gradually reduced. In Czech public discourse, skepticism toward religious involvement in politics prevails, creating a stark contrast with the situations in Poland or Romania.

Beyond these three primary models, several distinctive cases merit attention. Albania, which officially banned religion in 1967 and was proclaimed the world’s first atheist state, has since transitioned to a model of a pluralistic religious market [6]. Its 1998 Law on Religion is widely regarded as one of the most liberal in Europe, as it makes no legal distinction between “traditional” and “non-traditional” religious communities. In contrast, Georgia—despite its constitutional secularism—entered into a Constitutional Agreement with the Georgian Orthodox Church in 2002, which formally recognizes the Church’s “special role in the history of Georgia.” This accord granted the Church exceptional privileges, while discrimination against religious minorities, such as Jehovah’s Witnesses and Baptists, remains a persistent and pressing concern.

Despite the diversity of national approaches, all Eastern European countries have faced a number of common systemic challenges. The restitution of church property nationalized during the socialist era has arguably been the most protracted and contentious issue. In Latvia and Lithuania, the process of returning assets to the Catholic Church spanned decades and was marked by complex legal disputes and public discontent [7]. In Hungary, under the government of Viktor Orbán, a law on church compensation was enacted that recognized only a limited list of

“traditional” denominations—a move that drew criticism from the European Union for violating principles of religious equality.

Another key challenge has been the management of religious pluralism. Across the region—except in the Czech Republic—tensions have emerged between historically established churches and newer religious movements. In Russia and Belarus, legislative measures have been introduced to restrict the activities of groups labeled as “totalitarian sects.” At the same time, integration into European structures has significantly influenced domestic policies. The European Court of Human Rights (ECtHR) has played a crucial role as an arbiter in disputes between states and religious minorities [8]. For instance, ECtHR rulings concerning the rights of believers in Romania or property restitution claims by religious communities in Bulgaria have compelled national authorities to revise their legislation and practices substantially.

3. Conclusion. Post-socialist experience of reconfiguring state–religion relations in Eastern Europe has not followed a linear path toward a liberal, secular model. Rather, it has unfolded as a complex and multifaceted process shaped by historical legacies, the strength of national-religious identity, and specific political choices. While the region has unequivocally abandoned state atheism, it has not converged on a single framework. Instead, it has produced a spectrum of regimes—ranging from soft forms of state religion in Georgia and Russia, through a model of political partnership in Poland, to consistent secularism in the Czech Republic. This experience underscores that, even in an era of globalization and European integration, local historical and cultural patterns continue to decisively shape the public sphere and define the role of religion in contemporary societies. The ongoing tension between constitutional secular norms and a social reality in which traditional churches claim moral and national leadership remains a defining feature of the Eastern European landscape in the 21st century.

References

1. Palinchak, N. M., “Models of State–Church Relations in Central and Eastern European Countries: Key Features and Dynamics of Change.” *Nauchnyy Dialog [Scientific Dialogue]*, no. 12 (24), 2013.
2. Mityov, V. M., “The Council for Religious Affairs as an Instrument of the USSR’s State–Confessional Policy.” *Vlast’ [Power]*, no. 9, 2013.
3. Pogasiy, A. K., “How Should Russian Laws Be Interpreted? A Critical Analysis of Certain Provisions of the Federal Law ‘On Freedom of Conscience and Religious Associations.’” *Russian Journal of Church and State Relations [RZhO]*, no. 4, 2015.
4. Lykoshina, L. S., “Church and Society in Contemporary Poland.” In *Religion and the Church in Central and Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century*, 2006.

5. Shcherbakova, Y. A., "Religion and the Church in the Czech Republic." In Religion and the Church in Central and Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century, 2006.

6. Furriku, X., "Religion and Interreligious Cooperation in Albania." Vlast' [Power], no. 4, 2007.

7. Belyakova, N. A., "The Evolution of Church-State Relations in the Western Republics of the USSR during Perestroika." RUDN Journal of Russian History, no. 2, 2009.

8. Dedov, D. I., Gadzhiev K.I., "The Case of 'Molla Sali v. Greece': Commentary on the Judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights." Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, no. 1, 2021.

СЕКЦИЯ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 338.1

Железников Е.М. Гиперперсонализация в электронной коммерции: принципы формирования этических стратегий взаимодействия с клиентом

Hyperpersonalization in e-commerce: principles of formation of ethical strategies of interaction with the client

Железников Евгений Михайлович,

Аспирант, факультет Бизнеса,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Zheleznikov Eugene Mikhailovich,
Postgraduate student, Faculty of Business,
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Аннотация. В современном мире отсутствие четкого плана использования искусственного интеллекта с учетом этических аспектов может привести к снижению доверия со стороны потребителей и увеличению рисков для бизнеса. Данный текст ставит перед собой цель определения ключевых этических аспектов, которые требуется внедрять в стратегию интеграции искусственного интеллекта компаний сферы электронной коммерции и обеспечивает методологическую основу для дальнейших исследований в области цифровой этики, управлении организацией и устойчивого технологического прогресса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гиперперсонализация, электронная коммерция, этические вызовы, стратегические модели.

Abstract. In today's world, the lack of a clear plan for the use of artificial intelligence that takes ethical considerations into account can lead to a decline in consumer confidence and increased risks for businesses. This text aims to identify the key ethical aspects that need to be incorporated into the artificial intelligence integration strategy of e-commerce companies and provides a methodological framework for further research in the field of digital ethics, organizational management, and sustainable technological progress.

Keywords: artificial intelligence, hyperpersonalization, e-commerce, ethical challenges, strategic models.

Гиперперсонализация – это процесс индивидуальной настройки контента и сервисов под каждого пользователя, позволяющий формировать неповторимый опыт взаимодействия клиента с компанией. На текущем этапе развития цифровых технологий искусственный интеллект становятся важным инструментом для развития электронной коммерции, меняя привычные способы общения компаний с клиентами. Гиперперсонализация, как одно из самых актуальных направлений применения искусственного интеллекта, позволяет в реальном времени учитывать поведение, демографические характеристики и даже психологические особенности пользователей,

чтобы предлагать им максимально подходящие товары, удобные интерфейсы и эффективные формы взаимодействия. Такой уровень персонализации становится возможным за счет применения инструментов обработки больших данных, которые анализируют поведение, интересы и предпочтения пользователей. Благодаря этим технологиям бизнес может не только повысить удовлетворённость клиентов, но и увеличить конверсию, а также укрепить долгосрочные отношения с аудиторией, предлагая наиболее актуальные продукты и сервисы в нужный момент.

Эволюция цифровых технологий и развитие персонализированных сервисов на базе искусственного интеллекта способствовали тому, что компании получили доступ к эффективным инструментам сегментации аудитории, детального изучения пользовательских моделей поведения, а также разработки таргетированных маркетинговых стратегий с применением анализа больших данных [1, с. 46]. Однако внедрение этих решений поставило бизнес перед новыми этическими дилеммами, касающимися защиты базовых прав человека, равных возможностей, справедливого распределения ресурсов и недопустимости манипулятивных практик. Поэтому на стыке интересов покупателей, технологических компаний, онлайн-платформ и регулирующих структур возникла необходимость выстраивать стратегические модели, интегрирующие технологический прогресс с нормами социальной ответственности.

Цифровизация, сопровождаемая внедрением ИИ в процессы электронной коммерции, способствует формированию новых возможностей для компаний: повышение доверия потребителей, увеличение показателей продаж и оптимизация клиентских решений. Вместе с тем бизнес сталкивается с вопросами, связанными с этической стороной эксплуатации интеллектуальных систем. «Среди них: чрезмерный сбор и использование персональных данных, отсутствие прозрачности алгоритмов, подмена свободы выбора манипулятивными рекомендациями, дискриминация в ценовой политике и профилировании, рост зависимости потребителя от цифровой среды» [2, с. 100]. Гиперперсонализированные системы работают с обширными наборами данных, охватывающими не только записи о транзакциях и поведении пользователей, но и прочие данные, такие как биометрические данные и импульсивные, эмоциональные реакции. Пользователи зачастую не осведомлены о масштабе и деталях такого сбора информации, поскольку согласие на обработку персональных данных зачастую предоставляется автоматически во время регистрации или покупки. Использование инструментов персонализации, основанных на искусственном интеллекте, для анализа закономерностей в поведении потребителей основано на изучении цифрового следа человека. Этот метод может способствовать формированию поведенческих тенденций потенциальных клиентов. «Особенно уязвимы в этой ситуации люди с зависимостями, повышенной тревожностью,

эмоциональной нестабильностью или дети» [3, с. 167].

Текущий уровень развития интеллектуальных систем позволяет как прогнозировать дальнейшие действия пользователя, так и целенаправленно воздействовать на его воронку принятия, мотивируя покупателя к требуемому поведению и действиям. Так, при демонстрации товаров, соответствующих эмоциональному состоянию пользователя, может усиливаться склонность к необдуманным тратам. При этом индивид убежден, что контролирует свой выбор, хотя на деле решение формируется под воздействием внешних алгоритмов.

Как следствие, возникает необходимость разработки новых пользовательских сценариев, которые бы отличались от привычных моделей взаимодействия. К примеру, начальный этап работы пользователя может представлять собой диалог с языковой моделью (LLM), способной учитывать актуальные запросы и корректировать рекомендации, исходя из персонального профиля. Это решает задачи оптимизации выбора, помогает учесть взаимозаменяемость товаров и ориентирует подбор предложений на реальные нужды клиента.

Возможность повышения персонализации за счет алгоритмизации и технологий искусственного интеллекта позволяет бизнесу перейти на новый уровень коммуникаций с пользователем. «Алгоритмы, анализирующие поведенческие паттерны, предпочтения и микроданные пользователей, позволяют компаниям создавать уникальные предложения, максимально точно адаптированные к индивидуальным потребностям» [4, с. 75]. Тем не менее, столь стремительный технологический прогресс сопровождается существенными этическими дилеммами, среди которых особое место занимают вопросы защиты прав пользователя, обеспечение справедливости, прозрачности и ответственности при работе с цифровыми сервисами. Игнорирование этих принципов приводит к ослаблению доверия к компаниям и расширяет существующее цифровое неравенство. Для продвижения электронной коммерции в устойчивом направлении требуется не только выявлять, но и системно анализировать актуальные этические проблемы, разрабатывать эффективные решения на основе принципов цифровой этики, регулирования и внедрения технологий.

ИИ-системы, обучающиеся на больших массивах пользовательских данных, могут непреднамеренно усиливать существующие поведенческие, этнические и гендерные предубеждения. Например, алгоритмы способны определять условия доставки или размер скидки, учитывая особенности пользовательского поведения, невольно исключая из выгодных условий определённые группы людей [5, с. 202]. Одним из способов минимизации таких рисков служит проведение регулярных этических аудитов обучающих данных, формирование междисциплинарных экспертных советов, внедрение стандартов справедливости в программную архитектуру и организация независимого контроля для

повышения прозрачности работы алгоритмов.

Устойчивым, ответственным современным компаниям важно уделять особое внимание прозрачности реализуемых механизмов взаимодействия с цифровым следом пользователя: информировать их об особенностях политики сбора и обработки данных, принципах работы рекомендательных алгоритмов и других аспектах. В качестве примера можно привести внедрение концепции «этических уведомлений» – визуальных инструментов, которые разъясняют логику работы системы и обосновывают возникновение наших рекомендаций. Компании, воспринимающие этику как часть корпоративной устойчивости, способны выигрывать в конкурентной борьбе и укреплять доверие потребителей в условиях ужесточающихся требований регулирующих структур.

Сегодня многие интеллектуальные системы работают как «чёрные ящики», оставляя пользователей в неведении относительно логики их работы — особенно когда решения оказываются ошибочными либо вредоносными. Такая непрозрачность порождает недоверие и осложняет юридическую атрибуцию ответственности между разработчиками, операторами платформ и поставщиками данных. Для уменьшения обозначенных угроз рекомендуется реализовывать комплексную стратегию, состоящую из двух основных принципов: Privacy by Design и Explainable AI. Интеграция принципа Privacy by Design предполагает создание понятных и легкодоступных механизмов предоставления согласия на всех стадиях разработки сервисов, а также предоставление пользователям инструментов мониторинга и управления своими данными — например, через наглядные панели, позволяющие отслеживать и контролировать процессы сбора информации в реальном времени. Использование принципа Explainable AI предполагает обеспечение прозрачного информирования пользователей о параметрах, влияющих на систему ранжирования и рекомендаций.

Алгоритмическая предвзятость и усиление неравенства выводят на первый план проблему справедливого применения ИИ. Модели, построенные на исторических данных, способны неосознанно воспроизводить и закреплять социальные, возрастные, этнические или территориальные предубеждения. К примеру, пользователь из мегаполиса может получать менее выгодные, дорогостоящие предложения по сравнению с жителем региона. Или же, владельцы более дорогих и современных смартфонов могут получать предложения о товарах и услугах, отличающиеся от владельцев бюджетных устройств. Чтобы противодействовать подобному дискриминационному поведению алгоритмов, требуется действовать комплексно: проводить регулярный независимый мониторинг сервисов, разрабатывать правила и датасеты для дообучения моделей согласно принципам этики. Важно маркировать индивидуализированные предложения, чтобы пользователь мог ясно различать коммерческие и рекламные сообщения и принимать взвешенные решения.

Дальнейшее развитие получают цифровые механизмы самоконтроля — напоминания о необходимости осознанного подхода к покупкам, специальные таймеры для принятия решений и функционал контроля времени.

В итоге, распространение искусственного интеллекта и расширение механизмов персонализации в электронной коммерции выдвигают перед бизнесом задачи этичного применения инструментов гиперперсонализации на основе больших данных. Вопросы, связанные с обеспечением конфиденциальности, предупреждением алгоритмического предубеждения, повышением прозрачности и минимизацией манипулятивных воздействий, требуют комплексного и осмысленного подхода. Только сочетание технологических инноваций с уважением к правам пользователей и социальным стандартам позволяет формировать устойчивую и этически ориентированную цифровую среду. Стратегические инициативы должны одновременно учитывать технологические возможности и учитывать возможные социальные последствия, включая обеспечение прозрачности алгоритмов, универсального доступа к сервисам, защиты данных и справедливого распределения ответственности.

Применение такой стратегии позволяет сформировать основу модели безопасного внедрения искусственного интеллекта и инструментов гиперперсонализации в цифровую коммерцию с учётом этических ограничений. Такая модель направлена на построение открытой, адаптивной и ответственной системы персонализированного обслуживания, в которой интеллектуальные технологии усиливают клиентский опыт, а не эксплуатируют уязвимости.

Библиографический список

1. Дявго Я.А. Вызовы и перспективы на рынке электронной коммерции // Основные тенденции экономического развития Республики Беларусь. Минск: БГУ, 2024. С. 44–49.
2. Ткач Д.Н. Трансформация бизнес-моделей ритейла в условиях цифровизации // Сборник научных разработок аспирантов Московской международной академии. Москва, 2024. С. 99–101.
3. Филиппов Р.Г. Искусственный интеллект в продажах // VI Международный научный форум «Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика». Кадры для экономики данных: сборник научных статей: в 2 т. / под общ. ред. П. В. Терелянского. Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2024. Т.2 – 2024 – С. 164–172.
4. Аснович Н.Г., Семашко Ю.В. Главные бизнес тренды в управлении социальной и электронной коммерцией на 2024 год // Организационно-экономические механизмы обеспечения промышленного суверенитета: сб. научных трудов IV

Международного Косыгинского Форума «Проблемы инженерных наук: формирование технологического суверенитета». Москва: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2024. С. 73–79.

5. Шириков М.С. Эффективное использование искусственного интеллекта в бизнесе // Наука и образование сегодня: сб. статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2023. С. 200–203.

СЕКЦИЯ 3. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

Рон Т.В. Исследование влияния технологии «ЕДИНИЧКА» на выявление и проработку внутренних блоков и личностную трансформацию

A study of the impact of the "ONE" technology on identifying and resolving internal blocks and personal transformation

Рон Татьяна Викторовна,

психолог консультант, автор технологии «ЕДИНИЧКА», Казахстан (г. Лисаковск),
действительный член Международной Ассоциации социальных психотерапевтов,
консультантов и психотехнологов

Ron Tatyana Viktorovna,

consultant psychologist, author of the "ONE" technology, Kazakhstan (Lisakovsk), full member
of the International Association of Social Psychotherapists, Consultants, and Psychotechnologists

***Аннотация.** В статье рассматривается авторская технология «ЕДИНИЧКА», её влияние на выявление, проработку внутренних блоков и личную трансформацию.*

Исследование основано на интеграции дыхательных, телесных и арт-терапевтических практик. Проведён анализ результатов применения технологии на выборке из 100 участников.

Показано, что использование символа «ЕДИНИЧКА» позволяет визуализировать внутренние блоки и способствует их проработке через телесные и арт-терапевтические техники.

Полученные результаты подтверждают эффективность технологии как инструмента мягкой психологической трансформации личности.

***Ключевые слова:** трансформация личности, технология «ЕДИНИЧКА», работа с подсознанием, арт-терапия, дыхательные практики, телесная терапия.*

***Abstract.** This article examines the proprietary "ONE" technology and its impact on identifying and resolving internal blocks and personal transformation.*

The study is based on the integration of breathing, bodywork, and art therapy practices. The results of the technology's application were analyzed on a sample of 100 participants.

It is demonstrated that the use of the "ONE" symbol allows for the visualization of internal blocks and facilitates their resolution through bodywork and art therapy techniques.

The results confirm the effectiveness of the technology as a tool for gentle psychological transformation of the individual.

***Keywords:** personality transformation, "ONE" technology, working with the subconscious, art therapy, breathing practices, bodywork.*

Актуальность исследования

Современное общество характеризуется быстрыми изменениями, высоким уровнем информационной нагрузки и ростом психологических трудностей. В этих условиях особое значение приобретает поиск инновационных методов консультирования, способных помочь человеку осознать свои внутренние ресурсы, преодолеть барьеры и составить верный пошаговый план личностного развития.

Современная психология всё чаще обращается к интегративным методам, объединяющим практики по работе с подсознанием, телесные, дыхательные и арт-терапевтические подходы.

Одним из таких инструментов выступает технология «ЕДИНИЧКА», относящаяся к сфере прикладной теоретической психологии. Она была разработана как доступный и в то же время глубинный комплексный метод работы с подсознанием, телесными реакциями и личностными блоками.

Теоретические основы

Технология «ЕДИНИЧКА» опирается на несколько научных направлений:

телесно-ориентированная терапия (Levine, 1997);

осознанность и медитативные практики (Kabat-Zinn, 2015);

психосоматические исследования (Sapolsky, 2017; van der Kolk, 2014);

проективные методики, включая работу с метафорическими картами (Мухаматулина, 2018).

Объединение этих направлений позволило создать технологию, ориентированную на выявление и проработку глубинных блоков, а также формирование навыков саморегуляции.

Этапы разработки методики

1. Анализ запросов клиентов и литературы. Изучались механизмы психосоматических расстройств и методы работы с подсознанием.

2. Создание символа «ЕДИНИЧКА». Простой графический маркер с высокой проективной силой, минимизирующий внешние ассоциации и стимулирующий личностные интерпретации.

3. Интеграция телесных и дыхательных практик. Включены упражнения на осознанное дыхание, телесные практики и арт-терапевтические элементы.

Суть технологии «ЕДИНИЧКА»

Технология направлена на выявление и проработку подсознательных блоков, устранение психологических барьеров и восстановление внутренней целостности. Она может применяться как в индивидуальной, так и в групповой работе.

Название авторской технологии «ЕДИНИЧКА» выбрано не случайно. Оно носит символический и психологический характер, отражающий суть технологии. Цифра «1» символизирует начало пути, точку отсчёта, возвращение к себе. Это «первый шаг» к самопознанию и трансформации. Понятийный ряд, связанный с «единичкой» включает:

индивидуальность - человек как самостоятельная и целостная единица;

возврат к своему внутреннему «я», освобождённому от внешних ролей и ожиданий;

начало личностного пути, основанного на контакте со своими истинными мотивами.

Таким образом, название не только обозначает технологию, но и выступает как смысловой ориентир, направляющий участника к сосредоточению на себе и осознанию этапов самораскрытия.

Методика включает четыре последовательных этапа:

1 этап - Дыхательная настройка.

Помогает замедлиться, снять напряжение и подготовиться к работе с подсознанием

2 этап. Работа с символом.

На этом этапе эксперт рисует символ «ЕДИНИЧКА» на листе бумаги, пишет запрос клиента на обратной стороне листа и задает вопрос: «Какие мысли приходят, когда вы смотрите на этот символ «ЕДИНИЧКА»?» Это позволяет безопасно вытащить на поверхность то, что обычно скрыто глубже сознания.

Далее эксперт просит участника перерисовать символ единицы себе, участник, выполняя это действие, начинает дорисовывать к символу единицы элементы, которые хочется ему добавить. На этом этапе, уже проявляются мысли, образы и подсказки, которые могут помочь участнику увидеть выход из сложившейся ситуации.

На этом этапе можно завершить работу, но чтобы глубже проработать блоки — например, страхи или обиды — автор подключает телесные и арт практики.

3 этап. Телесная проработка и арт-терапия.

Эксперт вместе с участником отслеживают, где в теле откликается найденный блок. Это напряжение или зажим прорабатывается через арт-терапию и психологические практики.

На этом этапе эксперт мягко направляет участника и всё происходит безопасно.

4 этап — составление пошагового плана.

Здесь соединяя всё, что участник осознал и прожил, составляется конкретный пошаговый план выхода из сложившейся ситуации.

Участник фиксирует, что он готов, сделать прямо сейчас и какие шаги нужны для дальнейшего движения.

Важно, что этот план рождается не «из головы», а из согласия с подсознанием и телом — поэтому он не вызывает внутреннего сопротивления, а наоборот даёт чувство лёгкости и готовности к действию.

Таким образом, технология сочетает в себе элементы дыхательных, когнитивных и арт-терапевтических практик, что делает её универсальной и доступной.

Отличие от других методик

В отличие от МАК-карт «ЕДИНИЧКА» не требует внешних образов — вся проекция идёт на одном символе, что позволяет точнее выявить подсознательные процессы.

Технология не останавливается на диагностике, а помогает проработать глубинные блоки на телесном уровне и дать пошаговый план реализации цели.

Быстрота диагностики: Выявление ключевого блока занимает всего 5-10 минут, что позволяет оперативно приступить к проработке самой проблемы.

Чтобы подтвердить эффективность технологии «ЕДИНИЧКА», автор провел собственное исследование, направленное на изучение её влияния, на внутреннее состояние и личностную трансформацию.

Цель исследования – теоретически обосновать и эмпирически подтвердить эффективность авторской технологии «ЕДИНИЧКА» как инновационной технологии психологического консультирования, направленного на преодоление внутренних ограничений.

Задачи исследования:

- Определить психологические механизмы, лежащие в основе технологии «ЕДИНИЧКА».
- Исследовать влияние дыхательных, телесных и арт-терапевтических элементов на снижение уровня внутреннего напряжения и проработку внутренних блоков.
- Проанализировать результаты применения методики в индивидуальных и групповых форматах.
- Сформулировать практические рекомендации для внедрения метода в программы личностного роста и психологического консультирования.

Исследовательский вопрос (гипотеза)

Является ли комплексная технология «ЕДИНИЧКА» действенным инструментом для устранения внутренних психологических блоков.

Материалы и методы

Дизайн исследования

Исследование выполнено по комплексно-интегративной парадигме, объединяющей тело, эмоции, мышление и творчество, и носит прикладной качественный характер и основано на практическом применении авторской технологии «ЕДИНИЧКА» в условиях реальных индивидуальных и групповых сессий.

Этапы исследования

Исследование проходило последовательно, в три этапа:

Этап 1. Подготовительный

В исследовании приняли участие 100 человек в возрасте от 4 до 50 лет:

дети (4-12 лет),

подростки (13 -16 лет),

взрослые (17+лет)

Половой состав – 60% женщин, 40% мужчин.

Формат работы онлайн и офлайн.

Формирование выборки происходило на основе добровольного участия.

Участие детей и подростков в исследовании было полностью добровольным. Для несовершеннолетних участников (4-16 лет) было получено письменное информированное согласие родителей или законных представителей, а

сами дети были ознакомлены с целью исследования и давали устное согласие на участие.

Все взрослые участники давали добровольное информированное согласие на участие и использование их откликов в анонимизированном виде.

Сбор данных осуществлялся в течение всего периода и включал:

- полуформативные интервью,
- наблюдение за телесными и эмоциональными реакциями,
- письменные отзывы участников,
- видеозаписи, сделанные во время выполнения практик и финальных обратных связей.

Для интерпретации данных был применён качественный анализ с использованием тематического кодирования. Он позволил выявить повторяющиеся смыслы, проследить индивидуальную динамику изменений и установить взаимосвязи между этапами технологии и трансформациями участников. Анализ проводился как по отдельным откликам (интервью, отзывы), так и по наблюдениям за процессом (телесным проявлениям, эмоциональным реакциям, поведению в момент практик). Также учитывалась рефлексия исследователя, совмещающего позиции ведущего и наблюдателя. После формирования выборки и организации условий участия исследование перешло в практическую фазу.

Этап 2. Практический

На данном этапе с участниками проводилась полная серия практик по технологии «ЕДИНИЧКА», включающая четыре последовательных компонента:

Дыхательная гимнастика – направленная на снижение фоновой тревожности, использовались такие практики, как метод 4-7-8, диафрагмальное дыхание и дыхание по квадрату.

Участники отмечали:

ощущение замедления, присутствия в моменте, «чувствование» тела.

Работа с символом «единицы».

Рисование «ЕДИНИЧКИ» выполняло функцию проективного якоря, отражающего бессознательные установки. Такой способ самовыражения помогал осознать внутренние

конфликты и соответствовал пониманию арт-практики как формы трансформации личного опыта.

Участники отмечали:

проявление внутренних блоков и инсайтов.

Телесные и арт-терапевтические практики были направлены на телесную интеграцию и трансформацию эмоционального опыта.

Телесные и арт-практики использовались в рамках технологии «ЕДИНИЧКА» в соответствии с подходами арт-терапии и соматики. Кроме того, используемый подход опирался на соматическую теорию, где подчеркивалась необходимость работы с телесными ощущениями в процессе психологической трансформации.

Участники отмечали:

Ощущение освобождения от зажимов, блоков, физической лёгкости и внутреннего разрешения.

Составление пошагового плана действий.

На этом этапе проводилось рациональное закрепление изменений через конкретное целеполагание.

Участники отмечали:

Ясность и внутреннюю готовность действовать.

Практики проводились индивидуально, и в группе с поддержкой ведущего. Сбор данных продолжался и на этом этапе: фиксировались изменения в состоянии участников, особенности телесной и эмоциональной динамики, устные и письменные комментарии, видеозаписи обратной связи.

Этап 3. Аналитико - рефлексивный

После практического этапа был применён качественный анализ полученных данных с использованием метода тематического кодирования.

Анализ включал:

- письменные и устные отклики участников,
- наблюдения за процессом прохождения практик,
- интервью и аналитические кейсы, иллюстрирующие трансформации,
- рефлексии исследователя, который одновременно вёл практику и наблюдал за процессом, анализируя происходящее изнутри.

Основной задачей было выявить устойчивые изменения в состоянии участников, а также установлению взаимосвязей между элементами технологии и характером этих изменений. Анализ показал, что технология «ЕДИНИЧКА» оказывает глубокое и поэтапное воздействие, на психоэмоциональное состояние участников, способствуя осознанию и проработке внутренних блоков.

Использование всех четырёх этапов технологии, включая работу с символом «ЕДИНИЦЫ», дыхательные, телесные и арт-терапевтические практики, обеспечивает системное взаимодействие с подсознательными установками и поддерживает процесс личностной трансформации.

Результаты

В результате проведения исследования с использованием технологии «ЕДИНИЧКА» были получены следующие эмпирические данные.

1. Эмоциональные и телесные реакции участников

У большинства участников (96 из 100) зафиксированы выраженные эмоциональные и телесные изменения после первого этапа работы.

Основные изменения включали:

- субъективное ощущение внутреннего спокойствия (90 участников),
- телесную реакцию в виде расслабления, зевоты, слёз, мурашек или дрожи (70 участников)
- вербализацию чувства «прояснения в голове» (95 участников), что согласуется с результатами, указывающими на эффект телесных и дыхательных практик для снижения уровня стресса и повышения субъективного благополучия.

Повторяющиеся темы в высказываниях (по результатам кодирования).

Анализ откликов с использованием тематического кодирования позволил выделить следующие устойчиво повторяющиеся тематические коды:

- «Прозрение» / «внутренний инсайт» – 95 участников;
- «Появилась чёткая цель» – 98 участника
- «Телесное ощущение свободы» – 85 участник.

Динамика изменений по этапам технологии.

- На этапе дыхательной гимнастики большинство участников сообщили о снижении уровня тревожности (по самооценке до и после – уменьшение в среднем на 2,4 бала по шкале 1 – 10), что соотносится с выводами о влиянии ритмического дыхания на нервную систему.
- На этапе работы с символом «единицы» у 83% участников наблюдалось появление личных ассоциации, образов и неожиданного внутреннего смысла, что подтверждает эффективность проективных техник.
- На этапе телесной и арт-практики – активизация чувств, образов, слёз, ощущений в теле у 96 участников.
- На этапе составления пошагового плана – все 100 участников (100 %) завершили работу по технологии «ЕДИНИЧКА» с составлением индивидуального плана действий. Это подтверждает стабильность выходного этапа практики и его роль в интеграции

изменений. Подобная завершённость отражает не только вовлечённость, но и высокую применимость технологии

Цитаты из открытых ответов участников

«После практики я увидела, что моя цель – не та, что казалась».

«Удивительно, как простая единичка может открыть такой поток мыслей и чувств».

«Мне стало легко дышать, хочется горы свернуть».

« Освободилась от телесного зажима»

Обсуждение

Интерпретация результатов:

Результаты исследования демонстрируют высокую эффективность технологии «ЕДИНИЧКА» как инструмента по выявлению и проработке внутренних блоков. Все 100 участников завершили процесс, проработав внутренние блоки и с чётко сформулированной личной целью и конкретным планом действий, отражающих внутреннюю мотивацию.

Полученные эмпирические данные подтверждают соответствие этапности технологии современным трансформационным моделям сопровождения: дыхательная гимнастика, символическая проекция, телесно-арт-практика и планирование.

Последовательная работа на телесном, когнитивном и образном уровнях активирует разные каналы осознания, способствует выражению внутренних конфликтов и выходу за пределы рутинного восприятия.

Тематическое кодирование выявило два устойчивых паттерна инсайтов: телесные переживания (ощущение зажимов, освобождения, тяжести), и яркие образы, возникавшие на этапе символической проекции.

Эти моменты становились триггерами активизации ресурсного состояния.

Наблюдалась устойчивая динамика вовлечённости: от начального сопротивления к практикам – особенно дыхательной и символической – к эмоциональной включённости и доверию по мере прохождения этапов. Это подтверждает эффективность модели поэтапной десенсибилизации и созданию «пространства доверия».

Обсуждение значимости результатов:

Это указывает на потенциал технологии для активизации личностных ресурсов, преодоления внутренних барьеров и восстановления мотивации.

Особую значимость приобретает символ «единицы», который, как показал анализ, запускает проективный механизм и открывает доступ к глубинным слоям самовосприятия, что согласуется с современными исследованиями в области визуальной психодиагностики, арт-терапии.

По сравнению с традиционными психологическими подходами, технология «ЕДИНИЧКА» предлагает уникальный синтез: дыхание, арт-подход, телесные практики, и пошаговое планирование. Она не требует длительного анализа жизненного пути и профессиональной траектории, и позволяет сфокусироваться на актуальной точке «здесь и сейчас», что соответствует подходам краткосрочной ресурсной терапии и телесно-ориентированным проективным моделям.

В условиях, когда многие участники не готовы к длительной терапии, технология «ЕДИНИЧКА» может быть применена как краткосрочный и эффективный инструмент для выявления и проработки внутренних блоков.

Сеансы проводились как в индивидуальном, так и групповом формате, в том числе в онлайн - и офлайн режимах, с участниками из России, Казахстана, Беларуси и Болгарии.

Это расширяет представление о гибкости и универсальности технологии «ЕДИНИЧКА» в различных организационных условиях и географических локациях.

Ограничения исследования

1. Отсутствие контрольной группы. Данное исследование носит качественно-эксплоративный характер. Все участники прошли практику по технологии «ЕДИНИЧКА», и сопоставление с контрольной группой не проводилось. Это ограничивает возможность строгой оценки эффекта и требует дальнейших сравнительных исследований с участием групп, использующих альтернативные методы психолого-педагогической поддержки.

2. Малый объём выборки и отсутствие количественного анализа.

Несмотря на ярко выраженные трансформации, зафиксированные в качественных данных (рефлексиях, планах, визуальных материалах), исследование не включает количественные показатели и статистическую обработку. Для усиления доказательной базы в будущем целесообразно использовать смешанные методы и валидизированные шкалы оценки изменений.

3. География и формат проведения.

Исследование включало участников из России, Казахстана, Беларуси и Болгарии, однако все сессии проводились на русском языке, что могло повлиять на глубину самораскрытия и интерпретации образов. Также в исследовании использовались разные форматы – как онлайн, так и офлайн, как индивидуальные, так и групповые практики. Хотя такой подход расширяет возможности применения технологии, он создаёт вариативность условий, которая не была специально проанализирована. Для получения более точных данных в будущем целесообразно отдельно исследовать влияние формата проведения на глубину и устойчивость результатов.

Направления будущих исследований

- Включение контрольной группы и количественных методов (опросники, шкалы, биофидбэк) для валидации результатов;
- Сравнительный анализ эффективности разных форматов (групповой/индивидуальный, онлайн/офлайн) выявления влияния условий проведения на глубину трансформации;
- Расширение географии исследования – дальнейшая апробация технологии в других странах и языковых контекстах;

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что технология «ЕДИНИЧКА» является эффективным инструментом консультирования, ориентированный на работу с внутренними блоками и ресурсами личности. Её поэтапная структура – включающая дыхательные практики, символическую проекцию, телесно-арт-терапевтический компонент и целевое планирование – обеспечивает целостное воздействие на когнитивный, эмоциональный и телесный уровни, способствуя актуализации внутренних ресурсов.

Все участники завершили процесс с выявленными и проработанными внутренними блоками и пошаговым планом по выходу из сложившейся ситуации. Особенно значимой оказалась символическая работа с образом «единицы», активирующая глубинные уровни самовосприятия, что подтверждается современными подходами в арт-терапии, символической педагогике и краткосрочной ресурсной терапии.

Вовлечённость участников демонстрировала положительную динамику: от начального недоверия к практике – к эмоциональной включённости и устойчивой заинтересованности. Это подтверждает эффективность модели поэтапной десенсибилизации и создания безопасного пространства взаимодействия. Кроме того, технология показала высокую гибкость: успешно применялась в разных форматах – индивидуально, группой, онлайн и офлайн, в мультикультурной среде (участники из России, Казахстана, Беларуси и Болгарии).

Таким образом, результаты исследования подтверждают высокий потенциал методики для внедрения технологии «ЕДИНИЧКА» в практику психологической помощи как инновационный инструмент по выявлению и проработке внутренних блоков.

Библиографический список

1. Kabat-Zinn J. Mindfulness for Beginners. Hachette Books, 2015.
- a. Sapolsky R. Why Zebras Don't Get Ulcers. Holt Paperbacks, 2017.
2. van der Kolk B. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma. Viking, 2014.

3. Levine P. *Waking the Tiger: Healing Trauma*. North Atlantic Books, 1997.
4. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Отчёт о состоянии психического здоровья в мире. Женева, 2024.
5. Мухаматулина Г.Р. Метафорические карты в психологическом консультировании. Казань, 2018.
6. Amanzholova, D., & Nurmagambetova, A. (2022). *Contemporary practices in Kazakhstani psychotherapy*. Almaty: Kazakh National Publishing.
7. Bentley, J., Smith, L., & Carter, A. (2023). *Integrative approaches to mind-body healing*. New York: Wellness Press.
8. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101.
9. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp0630a> [Scopus]
10. Brown, R. P., & Gerbarg, P. L. (2021). *The healing power of the breath: Simple techniques to reduce stress and anxiety*. Boston: Shambhala.
11. Christou, P. (2022). *The self in therapeutic practice: A narrative and cultural approach*. London: Routledge. [WoS, Q2]
12. Howitt, D., & Cramer, D. (2018). *Research methods in psychology* (5th ed.). Harlow: Pearson Education Limited.
13. Kapitan, L. (2019). *Introduction to art therapy research* (2nd ed.). New York: Routledge.
14. Kushnir, I. (2025). *Transpersonal analysis of embodied practices*. Moscow: Institute of Psychology Press.
15. Levine, P. A. (2010). *In an unspoken voice: How the body releases trauma and restores goodness*. Berkeley: North Atlantic Books.
16. Malchiodi, C. A. (2020). *Trauma and expressive arts therapy: Brain, body, and imagination in the healing process*. New York: Guilford Press.
17. McNiff, S. (2004). *Art heals: How creativity cures the soul*. Boston: Shambhala Publications.
18. Ogden, P., Minton, K., & Pain, C. (2006). *Trauma and the body: A sensorimotor approach to psychotherapy*. New York: W. W. Norton.
19. Terry, G., Hayfield, N., Clarke, V., & Braun, V. (2017). Thematic analysis. In C. Willig & W. Stainton-Rogers (Eds.), *The SAGE handbook of qualitative research in psychology* (2nd ed., pp. 17–37). London: SAGE.
20. Thomas, P., & Hardy, J. (2023). *Advanced qualitative research methods in psychology*. Oxford: Oxford University Press.
21. Wright, B. A., & Chung, M. C. (2001). Mastery or mystery? Therapeutic art-making and the meaning of art for survivors of trauma. *The Arts in Psychotherapy*, 28(3), 197–204.

Электронное научное издание

**Сборник научных трудов по материалам
Международной конференции молодых учёных и преподавателей
«Наука на стыке дисциплин:
от фундаментальных исследований к практическим решениям»**

20 октября 2025 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Формат 60x84/16. Усл. печ. Л 1,6. Тираж 100 экз.
Lulu Press, Inc. 627 Davis Drive Suite 300
Morrisville, NC 27560
Издательство НОО Профессиональная наука
Нижний Новгород, ул. М. Горького, 4/2, 4 этаж, офис №1